

МЕРЗАВЦЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДОМИНАТРИКС

18+

ДОМИНАТРИКС

Мерзавцы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68932197

SelfPub; 2023

Аннотация

Я жила своей обычной студенческой жизнью, когда двое самых опасных парней универа вдруг решили, что я их подставила. Они втягивают меня в свою игру, огненную, невероятно эмоциональную, страстную, и мне уже кажется, что Лекс и Феллини хотят вовсе не отомстить. Но как выбрать между ними, и стоит ли вообще выбирать?

Содержание

Глава 1 (Лера)	4
Глава 2 (Лера)	11
Глава 3 (Лекс)	20
Глава 4 (Лера)	26
Глава 5 (Феллини)	33
Глава 6 (Лекс)	41
Глава 7 (Лера)	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

ДОМИНАТРИКС

Мерзавцы

Глава 1 (Лера)

Библиотека в такое время совершенно пуста. Я пытаюсь поставить книгу по истории Древнего Рима на нужную полку, тянусь, становлюсь на носочки, когда слышу тихие шаги.

– Елена Федоровна, я сейчас последние на место поставлю и закроете, хорошо? – обращаюсь я к библиотекарше.

Почти в ту же секунду меня впечатывают в пыльный стеллаж. Увесистая книга выпадает из рук. Гулко бьется о пол. Я взвизгиваю от неожиданности.

– Хорошо, пай-девочка, – выдыхают мне прямо в ухо горячим шепотом. – Елена Федоровна пошла спать, потому что мы сказали ей, что ты уже ушла. Так что мы тут абсолютно одни.

– Ага, ни чё такая, – большая ладонь тяжело ложится на край полки у моей головы, задевая волосы и выдирая их, а в нос ударяет противный дым из айкоса. Меня мутит от запаха химозного ананаса. – Может, даже лучше при ближайшем осмотре.

– Отпустите, пожалуйста... – голос срывается на плач почти сразу же.

– Конечно, отпустим, – говорит спокойно один из парней. – Когда ты выпросишь у нас прощение за то, что сдала.

– Ага, Феллини дело говорит, – ухмыляется блондин и склоняется надо мной. Его губы так близко, а шепот почти интимный: – Хочешь совет дам?

– Просто отпустите, – блею я. – Я же ничего плохого вам не сделала...

– Когда я говорю, бабы молчат, – балагурит он, но эта фраза все равно мерзкая. – Так вот, совет. Вымаливать прощение лучше всего на коленях. Верно ведь говорю? – поворачивает голову ко второму, который прижал меня с другой стороны.

– Верно, Лекс, и с открытым ротиком, – его рука ложится мне на горло, а потом резко проскальзывает в вырез платья, прямо между грудей.

– Не, – прищуривается блондин, утыкает палец мне в бедро, туда, где заканчивается подол платья, и тащит вверх, оказываясь под юбкой. – С полным ртом и пошлыми стонами. Без слов и рук. Приступим?

– Я не буду этого делать! – визжу я, когда сильные руки разворачивают меня к ним лицом. – Я не... Не...

– Не кто? – насмешливо спрашивает черноглазый брюнет.

– Я не такая... – выдыхаю беспомощно. Точно бы уже рухнула к их ногам, если бы эти двое не прижимали меня спиной к стеллажу, который больно впивается в лопатки.

– Не такая, Лекс, слышал? – забавляется Феллини.

– Не такая, да, – усмехается блондин. – Наверное, там у нее с каёмкой или поперек. Хотя, можно проверить. Вдруг реально особенная.

– Да не вопрос, проверим, – горячая ладонь протискивается между моих бедер и быстро проходится вверх, прямо до моих трусиков.

Меня трясет так сильно, что зубы стучат. В голове горит, что надо оттолкнуть их и бежать прочь, но тело каменеет.

Горячие пальцы обхватывают мое бедро, ребро ладони давит так настойчиво, что ткань трусиков впивается между губок.

Я беспорядочно мажу взглядом по их лицам и почти оседаю на пол, но мне не дают. Блондин крепко придерживает меня за плечи и все сильнее вдавливают в стелаж, лишив всякой возможности хотя бы двинуться. Он даже как-то осторожно убирает волосы с моей шеи, чтобы коснуться ее губами.

Я ору внутри себя. От ужаса ору. От отвращения к самой себе – низ живота охватывает пламенем, мышцы сжимаются. Я совсем головой поехала, чтобы возбуждаться от действий своих будущих насильников?

– Раздвинь ножки, не такая, – губы брюнета едва касаются моего виска. – Посмотрим, как там у тебя... не так.

– Хм, – протягивает блондин и мажет влажным кончиком языка по моей шее. Я почти вскрикиваю. – Ну мы ж не гинекологи, чтобы смотреть. Надо, так сказать, прочувствовать

ее особенность. А то, может, многое теряем. А тут космос, а? Ты? Или я? Или оба сразу?

– Ладно, давай ты, – черноглазый отстраняется с некоторым разочарованием. – Сам знаешь...

– Знаю, – кивает блондин и прижимает мои запястья к полкам. Так сильно, что становится больно.

Он нависает надо мной, скрыв своей широкой спиной весь свет, распахивает коленом мои ноги по сторонам.

– Не надо, прошу тебя, – повторяю как мантру, теряя голос на каждом слове.

– А ты знаешь, не такая, – из-за спины Лекса говорит второй, – что из-за твоего стукачества мы теперь должны здесь отрабатывать? Не знаешь? Вместо того, чтобы тренироваться и готовиться к... короче, готовиться. Мы должны перебирать здесь книжки твои. Довольна, не такая?

– Я не стучала, – блею из последних сил, чувствуя, как палец Лекса протиснулся сбоку между моей кожей и полопочкой трусиков. – Но я могу вам помочь. Я сделаю всю работу за вас, а вы тренируйтесь... – последнее слово я почти взвизгиваю, потому что его палец упирается туда, где меня еще никто не трогал.

– Да что ты говоришь? Умная такая, да? – хмыкает Феллини. – Лекс, слышал? Она все порешала.

– Хоре щемить не такую, – оборачивается на него Лекс, все еще прижимая ко мне кончик пальца. – Пускай она отработает. Только хер с ним с книжками. Она натурой отдаст,

правда, малыш? – вздергивает мой подбородок пальцами и заставляет смотреть на себя, задрав голову.

– Я не могу... отработать, – чуть не плачу я. – Пожалуйста, Лекс...

– Что, пожалуйста, не такая? – ухмыляется он. – Типа понять, простить и отпустить? Так не бывает, – кончик его пальца надавливает и проскальзывает внутрь.

Я пытаюсь сдвинуть ноги, но его колено не дает. Низ живота сжимается как от страха, но не от него. Я словно лечу в пропасть.

Две пропасти. Одна черная, как ночь, другая – льдисто-голубая.

– А чего это свет не выключен? Вот Лера, совсем расслабилась за лето, – слышу я голос библиотечарши где-то у дверей. – Ушла и побросала все. Ну что это такое?

Собираюсь закричать, но его ладонь, пахнувшая ананасовым дымом затыкает мне рот.

– Тсс, не такая, – проговаривает шепотом у моего виска и убирает руку у меня из-под юбки. – Не надо делать себе еще хуже. Мы с тобой еще не закончили. Даем небольшой таймаут на подумать...

– Лера? – Елена Федоровна появляется в конце прохода между стеллажами. – А я думала ты уже ушла.

– Книжки высоко стоят, – черноглазый подхватывает с пола увесистый томик. – Помогаем тут.

– Все в порядке? – спрашивает Елена Федоровна у меня.

Лекс давно успел убрать руку от моего лица и просто стоит рядом, вертя айкос в длинных пальцах.

– Да, все в порядке, Лера? – издевательски повторяет он вопрос, впервые произнеся мое имя.

– Д-да, – выдавливаю я. – Просто закончить надо было. Ребята... Помогали мне.

– Хорошо, что помогают, – она недовольно поджимает тонкие губы и уходит. А я вслушиваюсь в удаляющиеся шаги и ругаю себя за то, что не попросила помощи.

– Беги, не такая, – выдает Лекс с насмешкой. – Только не упади смотри! Давай же, пока я добрый!

Я дергаюсь, с трудом переставляю непослушные ноги, пытаюсь как можно скорее покинуть это место, но мою талию вдруг перехватывает сильная рука, покрытая татуировками почти до кончиков пальцев. Феллини приподнимает меня над полом, прижимая к своей груди, скользит носом от моей шеи к самому уху.

Я болтаю ногами, пытаюсь нащупать опору, но ее нет, кроме... его горячего тела, которое прожигает меня сквозь ткань платья.

Я поворачиваю голову и смотрю на него. Утопаю в черных омутках, слова свернулись комом и застряли в горле. От него так приятно пахнет, что рот наполняется слюной.

– А мне вчера показалось, что ты правда не такая, – говорит тихо, так, что слышу только я, наверное. Сердце подскакивает в груди и разбивается о ребра. – Будет мне уроком.

Он отпускает резко, и я едва не падаю. Оборачиваюсь и вновь смотрю в черные глаза. Нет, нет, Лера. Прекрати! Нельзя западать на таких, как он. Как они оба.

Бросаюсь прочь со всех ног. Спасаясь бегством, пока разрешили. Пока могу.

Глава 2 (Лера)

Забегаю в комнату и осуждающе смотрю на свою соседку. Давай, Марина, расскажи, как так вышло, что меня преследуют твои хахали.

– Что случилось? – смотрит на меня выжидающе.

– А ты не знаешь? – я так возмущена, что аж дышать сложно. Стоп. Или сложно из-за того, что было в библиотеке? До сих пор чувствую на себе их руки. И там тоже. Блин... – Это ты мне скажи, что такого ты наворотила, что эти двое... накинулись на меня на работе!

– Лера, ты чего? – она мгновение хлопает ресницами, а потом ее лицо озаряется пониманием. – Они у тебя были?! Скажи, классные! А чего приходили? Меня спрашивали?

– Чего приходили? – взвизгиваю я, чувствуя, что покраснела от злости до корней волос. – Классные? Да эти два чудовища, они... – замолкаю, понимая, что сроду не признаюсь, что они лапали меня, трогали везде. – ...вели себя как последние скоты, вот что сделали!

– А про меня спрашивали? – она меня совсем не слушает! – Феллини вчера так меня ревновал! Даже морду Валику набил, представляешь? Вот зря ты сидела на кухне. Зря. Какого бы ты выбрала? Мне оба нравятся. Даже не знаю, если они оба ко мне подкатят... А ты бы видела, как они на меня смотрели! Валик вообще и рядом не стоял.

– Без понятия, о каком из этих мерзавцев ты болтаешь! – тут же заявляю я, хотя прекрасно знаю, что Феллини – брюнет, а блондина зовут Лексом. – Как можно запасть на такое? Они же такие наглые, неотесанные, и, наверное, еще и тупые как все спортсмены. И с какого переполоха они вообще ко мне привязались? Что я им сделала? Я ж сидела на кухне за конспектами! Подожди! – до меня вдруг доходит. – Это ты что-то нагородила и на меня свалила, да?

– Лер, ну что мне было делать? – искренне удивляется Маринка. – Рома его убил бы к чертовой матери. Представляешь, какой ревнивый? Если б Лекс его не держал, вообще, не знаю, что бы было. Ну я, конечно, позвала коменданта. А что мне надо было ждать, пока Валика убьют? Ну и... Ты же так демонстративно ушла, когда их увидела... Понятно, что ты наступала. Я ничего им не говорила, они сами так подумали.

– Ты чего наделала, Марин? – меня кидает в горячий пот. – Я ж не стучала ни на кого. Ты что не могла им этого сказать? Ты ж моя лучшая подруга! Тебя не волнует, что они меня прямо на этих стеллажах... – опять замолкаю и краснею еще больше от воспоминаний о его пальце у моей щечки. – ... прибьют прямо в библиотеке, короче, и скажут, что так и было. Они же, говорят, на ринге всех крошат и запрещенкой приторговывают!

– Ничего они тебе не сделают, – отмахивается подруга, потом окидывает меня оценивающим взглядом и дергает головой, будто отгоняя глупую мысль. – Ты, Лера, тоже интерес-

ная. Я вообще-то хочу хотя бы одного из них захомутать. И что, мне надо было все разрушить и сразу сказать, что это я Валика спасала? Ну и кто бы из них это стерпел? А они, между прочим, на дороге не валяются. Такие, как они, в смысле. Ты вообще представляешь, сколько бабла они на этих рингах поднимают? Да все девки обзавидуются, когда хотя бы один из них моим станет!

– Не нужны мне их деньги, – бормочу я и сухо сглатываю, вспомнив все их скабрзные фразочки про вымаливание прощения. – И они мне не нужны. Я что, тупых качков с отбитым мозгами раньше не видела? И ты, Марина, пойдешь к ним и расскажешь, что я ничего не делала. Иначе ты мне больше не подруга, поняла?

– Не переживай, всем подряд они себя со своими деньгами в придачу не предлагают, – неприятно осматривает меня. – Схожу, схожу. Не кипишуй так. Прямо истерику устроила. Пойдем в клуб со мной, Валик отлеживается после вчерашнего еще. Мне не с кем.

– Ну не знаю, – пожимаю плечами. – Мне еще курсач писать надо.

– Ну ты что, меня оставишь? – смотрит на меня Марина. – Мне надо там встретиться кое с кем, а я сама боюсь. Пошли, Лера, друзей в беде не бросают.

– С кем встретиться? – с опаской спрашиваю я, принюхиваясь к своим волосам. Вся пропиталась их запахом. Какой навязчивый парфюм. Или не парфюм. – Надеюсь не с одним

из этих мерзавцев?

– К сожалению, нет, – печально вздыхает Марина. – Какой-то друг Валика должен ему что-то передать. Я пообещала уже, ну. Не кидай меня.

Она вскакивает с дивана, поправляет шелковый халатик и подскакивает ко мне. Обнимает за плечи и звонко чмокает в щеку, пачкая розовой помадой.

– Ну ладно, – соглашаюсь я, хотя у меня уже начинает болеть голова от стресса. – Пойду собираться.

– Ага, только быстро! Мне осталось платье надеть и все. Давай, чтоб я тебя долго не ждала.

Открываю свою половинку шкафа и быстро перебираю платья на вешалках. Ну как перебираю, вообще-то, их всего три. Немного подумав, выбираю черное длиной до колена. Оно совсем приличное, не считая открытой спины, но и там вырез заканчивается выше поясицы.

Марина косит на меня взглядом, подкрашивая глаза.

– Отличный выбор, – говорит она.

Сама подруга в коротком, полностью расшитом золотистыми пайетками платье.

Смотрю на себя в зеркало. Ого, какой жалкий вид. Тушь осыпалась под глаза, и теперь я как панда. Очень бледная и несчастная панда с растрепанными от прижимания к пыльным полкам волосами.

Я крашу глаза ярко, а губы – нюдовой помадой, чтобы не выглядеть как шлюха. Наскоро выпрямляю волосы утюжком.

“Не такая” – всплывает в памяти обидное. А что эти двое вообще имели в виду? Да, не такая, как их привычные шлюшки, которые на все готовы ради денег и их твердых прессов.

Клуб встречает нас яркими неоновыми огнями и слышными даже на улице густыми басами. Не очень люблю такие места, но Маринка регулярно меня в них таскает.

– Нас ждут, – высокомерно заявляет Марина охраннику, и, к моему удивлению, нас быстро пропускают.

Внутри еще громче. Так громко, что музыка вибрациями проходит по телу. Мы спускаемся по лестнице так быстро, что я едва умудряюсь не упасть. Марина словно забывает о моем существовании прямо на пороге и спешит куда-то по своим делам.

Я стараюсь держаться подальше от танцпола, который битком набит извивающимися и конвульсирующими пьяными и обкуренными телами. Заказываю на баре стакан апельсинового сока из пакета и устраиваюсь на высоком стуле.

Меня врзает в барную стойку почти сразу же, да так сильно, что ребра трещат. Сок проливается на стойку и на платье. Какой-то парень со всей дури влетел в мою спину и прямо по ней и сползает на пол.

Я одной рукой придерживаю отбитый бок, а другой роюсь в сумке в поиске бумажных салфеток, когда чьи-то сильные руки хватают этого парня за грудки и швыряют в сторону

танцпола.

– Ты на кого батон крошить решил, мудак недоделанный? – слышу я знакомый глубокий голос и холодею изнутри. – Я тебе сейчас башку оторву и ее же оттрахаю.

– Лекс, уйди, – рычит второй не менее знакомый голос. – Сюда иди, да? Эй ты, сюда я сказал!

Я с ужасом наблюдаю, как Лекс разворачивает явно дезориентированного парня спиной к себе и толкает его вперед, а Феллини тут же встречает его ударом колена под дых. Бедолага сползает на колени и скорчивается в нелепой позе.

В следующий момент клуб наполняется таким ором, что даже заглушается бьющая по мозгам музыка. Толпа парней несется к танцполу, расталкивая всех на своем пути. Их человек пять или семь. Я вжимаюсь в стойку, чтобы меня не снесли. Не знаю, куда деться.

– Вы че, суки борзые, охуели? – орет один из подбежавших и с размаху бросает хук в Феллини.

Тот пригибается резко, уходит от удара, бьет в солнечное сплетение несколько раз, удерживая в захвате руку нападающего, хлестко и жестко.

Феллини и Лекс не сговариваясь встают спиной к спине, мажут взглядами по парням, которые обступают их.

– Слушай, а их не дохуя? – шутливо спрашивает Лекс, подняв перед лицом сжатые кулаки и принимая стойку как на ринге.

– Да пошли они на хуй, – выплевывает Феллини.

– На хуй, так на хуй, – соглашается Лекс и блокирует кулак, летящий ему в лицо.

Он выкручивает руку парня, похожего на гопника, и тот, поскуливая падает на колени. Мне кажется, я слышу хруст костей... Мамочки.

С другой стороны удар за ударом отбивает Феллини: последнему нападающему на него прилетает подошвой кроссовка прямо по лицу. Я закрываю рот руками, когда вижу, как кровь вместе с зубами парня брызгают на пол. Еще один таки успевает дотянуться до челюсти брюнета – тот только сцепляет зубы и просто кидается на обидчика.

С рыком валит его на пол, оседлывает, зажимает корпус ногами и начинает молотить его голову и лицо кулаками. Так обычно отбивают мясо кулинарным молотком. И брызги так же летят. И на меня тоже попадает. Меня словно парализует страхом.

Лекс ударом кулака под челюсть укладывает в нокаут очередного противника и начинает оттаскивать от уже полутруп- па Феллини.

– Хорош уже, – шипит сквозь сжатые зубы. – Он уже не боец. Пошли. Сейчас еще набегут.

– Отпусти! – вырывается брюнет. – Лекс, отпусти!

– Хоре, я сказал, – орет Лекс и вдруг встречается со мной взглядом. – Ты сейчас ему черепушку как арбуз расколешь, и что потом?

– Блядь!.. – Феллини со психом расслабляется, дергает ру-

ками и смотрит прямо на меня. – Не такая, привет!

– Смотри-ка, Феллини, – Лекс состряпывает гримасу почти мультяшного удивления. – Не такая по клубам у нас шагает. Вот это да! Значит, такая все-таки. Пойдем покараем ее. Пора на коленочки и прощения просить.

– Эй, вы че тут творите?! – охранник появляется вовремя для меня, но не вовремя для лежащих на полу парней.

Я соскальзываю с высокого табурета, приземляюсь на шаткие шпильки и, как могу, быстро, мелкими перебежками несусь в противоположную от места битвы сторону, к черному выходу.

С трудом спускаюсь по металлической лесенке и быстро иду через парковку.

– Эй, красивая, куда намылилась? – раздается противный голос за спиной, и я ускоряю шаг. Этого еще не хватало!

– Не беги, красивая, мы ж просто поболтать, – второй голос уже звучит ближе. – Эй, стой!

Почти бегу, не оглядываюсь. Чья-то рука жестко хватается меня за плечо и разворачивает так резко, что я чуть не падаю к ногам парня, который светит перед моим носом чем-то блестящим. От него мерзко пахнет дешевым пивом – меня тошнит. Пальцы все сильнее сжимаются на плече.

– Пустите, – bleю я, как днем в библиотеке.

– Да постой, давай познакомимся поближе, – он едва ворочает языком, настолько бухой.

– Не хочу, – только и могу выдать я, когда меня хватают

и тащат куда-то вглубь темной стоянки. – Пустите! Я тут с парнем. Он боксер.

– Да что ты? И где же он? – насмешливо говорит второй. – Давай поцелуемся, красивая?

Меня толкают спиной на стену и прижимают руки к ее влажной, шершавой поверхности. Я вырываюсь, обдирая кожу на ладонях.

Запахок свежего перегара все ближе, и я в ужасе зажимаюсь.

Глава 3 (Лекс)

– Тебе бы льда к морде приложить, – замечаю я, пока мы быстрым шагом чешем через темную стоянку к нашим тачилам. – Завтра заплывешь мамка не узнает.

– Отъебись, – беззлобно бросает друг, не напоминая, что мамка от синевы его не узнает и без опухшей рожи.

– Отъебался, – лыблюсь я, представив, как бы изменилась в лице не такая, увидь наши битые после боя в клетке хари. – Смотри, какая-то херова гопота девчонку к стенке прижала. Может, продолжим мероприятие, так сказать?

– Пошли пизды дадим, – оживляется Феллини и даже как-то воодушевляется.

Подходим ближе, аккурат в то место, где в тусклом свете единственного фонаря можно разглядеть светлые волосы и почти детскую мордочку трепетной лани. Вот это поворот. Какие-то два загашенных урода жмут к стенке нашу не такую отличницу, а та с писком пытается... А что она пытается? Головой вертит только и ревет. Ох, так дело не пойдет.

– Глянь-ка, знакомые все лица, – бросаю я другу, уже рванув к тому, кто стоит ближе ко мне. – Не такая наша.

– Иди сюда, ты! – сразу быкует Феллини, но это так, ему просто надо поорать перед тем, как вмазать.

Я же молча хватаю мразоту, которая воняет пивом и рыббой за шкирятник и впечатываю его рылом в стенку, как раз

рядом с дрожащей ланью, которая вскрикивает и вжимается спиной в мокрые кирпичи еще отчаяннее.

Ромка сразу бьет в ухо не успевшему обернуться отморожку, и тот теряется, валится вперед на не такую, но Феллини тут же дергает его за ворот назад. Тот падает и сразу получает удар с наскока по морде.

Пока он занят, я решаю поиграть немного с нашей отличницей на грани обморока или нервного срыва, а может, и всего разом.

Нависаю над ней, упершись локтем прямо над головой, – ебать, какая она крошка, куколка просто, – второй рукой придерживаю ее за предплечье и прижимаю к стене, чтобы не стекла по ней водичкой. Таращит на меня свои широко открытые голубые глазки.

– Скучала, не такая? – шепчу у ее виска. – Я запишу это чудесное спасение на твой счет. Рядом с предательством. Ноги затекут в раскинутом положении, как много придется отработать.

Прислушиваюсь. За спиной звуки молотиловки. Блядь, Рома, где у тебя кнопка для переключения режимов? Берсерка нам уже не надо.

– Феллини, – гаркаю я, обернувшись, но придерживая Лань, – хоре уже его месить. В нем жизни уже не осталось, а у нас тут девочка с благодарностями стынет.

– Да все уже, – сплевывает друг. – Осталось немного. Жизни. Прикинь, руку походу об него выбил. Вот ушлепок. Что

там, не такая решила всех мужиков в округе собрать?

– Хороший вопрос, не такая, – ухмыляюсь я, шумно вдохнув запах ее волос. – Тебя, кстати, как звать?

– Лера она, – Феллини подходит ближе, подпирает стену рядом с девчонкой.

– Лера, точно, – бью себя ладонью по лбу, на мгновение убрав руку от не такой. – Прости, малыш, вас много, я – один. Имена с первого раза не запоминаю. Так вот, тех, – киваю в ту сторону, где на вечном покое отдыхает парочка укурков, – их ты тоже сдала, или чё?

– Я просто шла, – всхлипывает Лера.

– Феллини, – я хлопаю друга по плечу, – ну, ты слышал шедевральную отмазу? Она просто шла, ёпта. Кстати, я еще не решил что она будет делать. Вымаливать прощения на коленочках? Или благодарить на них же? Ты как думаешь? Или одного благодарить, другого – умолять?

Растягиваю губы в улыбке и смотрю сверху вниз на не такую. Она так зазывно дрожит, что в джинсах вдруг становится немного тесно.

– Я за все варианты, – Рома поглаживает ее костяшкой пальца по оголенному плечу. – Может, поедем к нам уже?

– Мне домой надо, – блеет она, почти утекая из-под рук. – Мне вставать рано, на лекцию. Отпустите, пожалуйста.

– Глянь, какая, – хмыкаю я. – Мы ее тут от группового изнасилования отмазали, предлагаем интим в спокойной, приятной обстановке, а она опять строит из себя не такую. Что

делать будем, Ром?

Я отступаю от нее на пару шагов, пока не разложил прямо у стенки. Никогда не думал, что отличницы-библиотекарши тоже могут поднимать стояк.

– Не надо ничего делать, – хнычет она.

– У меня предложение, – усмехается Феллини и косится на меня лукаво. О, началось. Его идеи не всегда адекватные. – Давай ты нам сегодня скажешь спасибо своими ручками и пойдешь спать. А завтра мы поговорим. А?

– Ручками так ручками, – шумно выдыхаю я, двумя точными движениями хватаю запястья не такой и прижимаю их ладошками к ширинке джинсов. – Давай, никто не увидит. Ты же воспитанная девочка. Покажи, как ты умеешь говорить “спасибо”.

Трясется она так, что меня и самого забирает. Комедию, что ли, ломает или реально такая целка-невидимка?

– Что ты встала? – начинаю сатанеть. – Тебе сказано, что? – прикрикиваю на отличницу.

– Что? – дурой прикидывается она. На ресничках слезки, коленки дрожат, очаровательно.

– Лекс, для отличницы до нее слишком долго доходит, – философски изрекает Феллини.

– Феллини дело говорит, – я склоняюсь над ней и провожу кончиком языка по шее. На вкус как ванильный зефир. Почти вскрикивает от моего прикосновения. – Может, ты просто хочешь сначала Ромку приласкать? Выбери сама, кому

первому хочешь подрочить. У тебя же стресс, не такая, мы все понимаем. Пентиум виснет.

– Ща немного ускорим работу программного обеспечения, – сверкает черными глазами друг и начинает вытворять одну из своих штук.

Стягивает легкую курточку, улыбаясь шире от вида расширяющихся глаз Лани. За курткой тянет вверх футболку. Поигрывает мышцами, обнажая татуировку-рукав, тянущуюся от кисти до самой шеи. Годов в шестнадцать еще набил. Я ему денег помог тогда на нее найти.

У Лани глазки уже на лоб лезут, пытается отвернуться и упереть взгляд в пол, но я перехватываю ее, аккуратно фиксирую подбородок и заставляю отличницу внимательно смотреть на эротическое шоу.

– Хочешь потрогать, Лера? – подходит ближе Феллини. – Это даже бесплатно. Должна не будешь.

– Да, Лера, – вторю я ему, – за счет заведения. Девочки кипятком ссут, чтобы им такое показали и дали потрогать, облизать, насадиться...

– Не... не надо, – мотает головой, вырываясь из моих пальцев. – Не хочу трогать!

– Я ранен в самое сердце, – хитро смотрит на нее Ромка. – Прямо вот сюда.

Он берет ее руку и кладет ладонью прямо себе на грудь.

– Или здесь стучит? – передвигает руку, держа крепко, не давая ей отдернуть ладонь. – Послушай, Лер. Где там стучит?

Когда его несет, я повышаю градус, пока мне весело и не пришло время гасить пламя. Прижимаюсь к ней, впитывая телом дрожь Лани, провожу кончиком языка по ее щеке, по всему виску, слизывая соленый пот и заставив ее громко всхлипнуть.

– Нигде не стучит, – дрожащим голосом мямлит она, все пытаясь вырвать у него свою руку.

– Бессердечный я, выходит, – пожимает плечами Феллини. – Значит, послушай в другом месте. Там стучать уж точно будет.

Рома медленно расстегивает молнию на джинсах, наблюдая за Леркиными метаниями в моих руках, приспускает боксеры и достает свой стояк.

– Давай, малышка, смелее, – подначиваю ее. – Он не кушается.

Глава 4 (Лера)

Во рту сухо до горечи, ноги как варенные макаронины, но Лекс, или как там его, крепко держит меня, и еще крепче прижимает к себе.

Я хочу зажмуриться или хотя бы отвести взгляд, но он сам липнет к его члену, который слишком большой. В жизни такое бывает?

Феллини прищуривается почти по звериному, усмехается криво и делает шаг ко мне.

– Смотри, маленькая, – он проходится рукой вверх-вниз по стояку, обнажая блестящую головку. – Заждался он тебя.

– Еще как, – интимный шепот в самое ухо, и Лекс скользит пальцем по моим губам. – И не только он, но я подожду своей очереди.

Я хочу отбиваться, хочу чувствовать отвращение, но собственное тело предает меня. По низу живота словно прокачивается волна крутого кипятка, мышцы сжимаются пружинной, и я просто хрипло дышу в его руках, как под гипнозом гляжу на движения Феллини.

Он приближается, как в замедленной съемке, смотрит завораживающе, и я в какой-то момент запутываюсь в его взгляде, пропускаю очередное движение ко мне и вздрагиваю, как от удара током, когда моей ладони касается что-то горячее и гладкое.

Выныриваю на секунду из этого жаркого, влажного безумия, которое колотится под моей кожей, и тут же падаю в него снова, ухожу с головой, когда его ладонь накрывает мои пальцы и обжимает их вокруг пульсирующей плоти, которую я даже не могу обхватить целиком.

– Давай, малышка, – шепчет второй порочный голос, и кончик языка оставляет влажную дорожку на моей шее и останавливается за ухом.

– Проведи рукой, Лера, не бойся, – немного хватая воздух на каждом слове, говорит Феллини.

– Если сделаю, – выталкиваю слова по одному, не узнаю собственного голоса, – вы оба отстанете от меня?

– Сегодня – да. А для совсем отстать нужно что-то покруче и для обоих, – Феллини прикрывает на мгновение глаза, когда я случайно дергаю рукой.

– А потом, – Лекс зубами сдергивает с моего плеча рукав и присасывается к коже, зажимая ее губами, – потом ты уже не захочешь, чтобы мы от тебя отставали, малышка. Будешь бегать за нами, просить еще... Вы же все не такие, да?

– Скажи что-нибудь, малышка, – Феллини склоняет ко мне голову, утыкается мне лбом выше виска с другой стороны. – У тебя классный голос.

– Зачем вы так со мной? – пропискиваю я. – Я же вам ничего не сделала. Это все Маринка.

Я плыву от их запаха. От него рот наполняется слюной, низ живота колет иголочками. Он окутывает меня коконом,

не позволяет нормально дышать и рождает в пылающей голове неправильные мысли. Хочется просто закрыть глаза и позволить уже им сделать это, чтобы так не мучиться.

– Зачем что? – губы Лекса опять щекочут мою шею, а пальцы скользят по бедру вверх, натыкаются на краешек трусиков. – Тебе разве сейчас плохо? Хочешь кончить, Лерочка? А то нервная какая-то без разрядки.

Феллини сильнее сжимает мою ладонь, заставляя меня крепче обхватить его член. Ведет моей рукой к основанию, и обратно к головке. Его шумный выдох врывается в мое ухо, поднимая рой мурашек.

– Молчание – знак согласия, – усмехается совсем потемневший от желания голос у другого моего виска, и палец прижимает твердую горошинку клитора прямо через тонкую ткань трусиков. – Какая заведенная крошка, а.

Мне вдруг становится безумно стыдно. Что бы я ни говорила, это неважно, потому что мое собственное тело кричит о моих желаниях гораздо громче.

Он мягко массирует чувствительное местечко, куда стянулись все мои нервные окончания, и из моей груди вырывается стон. Он такой громкий, что эти двое просто не могли не услышать.

– Да, малышка, – хрипло дышит Феллини, шевеля волосы у моего лица и все быстрее двигая моей рукой.

Лекс крепче прижимает меня к себе – я чувствую, как в бедро упирается его член, такой же твердый и большой, как

и тот, что хлупает кожей у меня под ладошкой. Он жарко дышит мне в шею и все настойчивее трет и пощипывает мой клитор.

– Лекс, у Леры есть вторая рука, – Феллини сжимает мои пальцы у самой головки, и я действительно слышу, как под ладошкой стучит пульс.

– Как-то не хотелось портить вам романтик, – очередная шуточка, сказанная обычным тоном, – но если никто не против. Ты ведь не против, малышка?

– Я...

– Она не против, – за меня отвечает брюнет.

– Ну раз так, – он особо яростно начинает выделять восьмерки на моей бусинке. Я вновь издаю пошлый, стон, хватаю его за руку. – Что ж, Лера, сделаем друг другу хорошо.

Я слышу, как разъезжается молния на его джинсах, как шуршит ремень о щербатый кирпич. Хватает меня за запястье, отрывает мою руку от себя и крепко прижимает к такой же тикающей, пульсирующей плоти.

– Давай сама, Лер, – шепчет тихо Феллини. – Никто не узнает.

Отпускает мою ладонь, кончиками своих пальцев ведет по внутренней стороне запястья.

– Да, малышка, простые движения, – подначивает Лекс, сжав мои пальцы на своем члене и тихо застонав. Вновь терзает меня через ткань, сводя с ума. – Меня же не надо про-

сильно делать тебе приятно.

Я закусываю губу, молчу, потому что просить меня отпустить уже кажется таким глупым, бесполезным, неправильным. Закрываю глаза, обещая себе, что потом обязательно за это как-нибудь накажу себя, но это потом. А сейчас я, слушая только тарахтение моего сердца, едва ощутимо, всего на сантиметр сдвигаю свои руки по гладкой коже стволов.

Где-то глубоко внутри растет странное чувство. Мне льстит, что те, на кого пускают слюнки все девчонки в универе, кончат от моих действий. Я на сегодняшний вечер уже не я. Я скольжу пальчиками по их стволам, чувствую, как под ладошками задерживается хлюпающей гармошкой кожа, а потом вновь становится гладкой до нежности. Они оба стоят, несинхронно, абсолютно по-разному, и эти звуки уже не в ушах, а внутри моей собственной головы.

Эти движения, мои движения, распаляют и меня. Я шире раздвигаю ноги, чтобы Лексу удобнее было меня ласкать. Жалею почти до слез, что между его пальцами и моей кожей есть ткань, которая мешает мне достичь пика.

Феллини чуть сдавливает мою грудь освободившейся рукой, прихватывает пальцами обозначившийся сосок, трет его, оттягивает.

– Вот уже хорошо, малышка, – Лекс смыкает зубы на мочке моего уха. – Как же мне тяжело удерживаться в рамках приличий. Хочу сначала трахнуть тебя пальцами, а потом и членом, но давай не будем портить волшебство момента.

– Не будем, – шепчу я, на секунду пугаясь всему тому, что он перечислил.

– Лера... – Феллини поднимается к моей шее, слегка сжимает. – Быстрее.

И я слушаюсь его, словно ждала разрешения. Ласкаю их, скольжу по влажной, твердой, пульсирующей плоти так быстро, как только могу координировать действия своих рук.

Лекс сжимает мою талию одной рукой, а другую почти убирает от моего тела. Я готова заплакать – так хочу, чтобы он продолжал, но блондин словно пытается меня.

Они толкаются в мои руки, подстраиваясь под темп моих движений, стонут, и я стону с ними в унисон. Не хочу думать, что будет, если нас с ними кто-то увидит, или что будет завтра, хочу касаться их, и чтобы они касались меня. Подаюсь бедрами за рукой Лекса, тянусь за ней так стыдно и абсолютно в собственном праве.

Он словно чувствует меня, накрывает мой лобок горячей, влажной ладонью и яростно выписывает восьмерки на моем припухшем, жестком до болезненности клиторе.

Я делаю последний вздох, и меня впечатывает в стену, мышцы натягивает канатами, из груди вырывается хриплый крик. Сильная рука придерживает мое лицо, разворачивает к себе, и губы Феллини врезаются в мои, глуша мой стон, делясь своим. Его язык достает мне чуть ли не до гланд, и я хватаю ртом его воздух, почти задыхаюсь, сжимаюсь сладко, когда его стон становится громче и горячая струя бьет мне

прямо на ногу.

Чувствую, как мои пальцы сжимает у самой головки. Пульсация такая сильная, что дрожью проносится по всему моему телу, и вновь заставляет низ живота сжаться. Громкий стон, дрожание в моей ладонке, и мое бедро, на котором задралось платье, обливает еще одной горячей струей.

Глава 5 (Феллини)

У нее не такой вкус. И стонет она не так. И воздух не тот выдыхает. Как так получилось, что такая подлая душонка и действительно вся... не такая?

С трудом разлепляю веки, восстанавливаю дыхание и понимаю, как загнал. Понимаю... и снова коротко целую ее в губы.

– Ну уже лучше, – как могу исправляю ситуацию. – Не такая не так уж и безнадежна.

– Лерочке пора в люлю, – выдает Лекс, поглядывая то на меня, то на собственный член, все еще чуть подрагивающий в ее руке. – Обещали же, правда, Феллини? А то завтра новая рабочая смена у нее, – балагурит он, а тон не такой уж и шуточный.

– Проводить надо, – бросаю я, застегивая молнию джинсов и, отчего-то чувствуя себя премерзко. – А то ты видишь, у нее суперспособность. Мужиков находить.

– Не надо меня провожать, – как всегда мямлит она.

– Вижу-вижу, – прищурившись, выдает он пространно, спрятав вялый ствол в джинсы и подхватив Леру под локоть. – Пошли, не такая, сейчас посадим тебя в карету и сопроводим домой до полуночи.

– Я сама доберусь, правда, – глазки прячет, краснеет, бледнеет, как бы в обморок не свалилась.

Отлепляет ее от стенки и ведет к припаркованной неподалеку тачке.

– Не доберешься, – говорю, а сам отстаю чуть от Лекса с Лерой, смотрю, как она забавно смотрится рядом с огромным Лексом.

– Что застопорился? – бросает мой почти брат, на ходу оглянувшись через плечо. – Не такая “Спокойной ночи, малыши” пропустит, пока ты стоишь там разомленный.

– Иду я, – на языке вертится тупое предложение довести самим, но мы же не сажаем в наши тачки баб. Что ж такое-то.

– Ну что, братан? – Лекс хитро прищуривается и плакает брелоком сигналки. – Сделаем для Лерчика исключение? А то есть опасения, что на нее и таксист накинется в попытке изнасиловать.

– Да меня только вы изнасиловать!.. – неожиданно возмущается Лера.

– С кем поедешь, Лер? – беру себя в руки и натягиваю на морду улыбочку.

– Вот так всегда, – картинно вздыхает Лекс, уложив руки и подбородок на открытую дверь своей тачки и рассматривая Леру, которая зябко передергивает плечиками под его притапливающим взглядом. – Сначала хватается за твой хуй и руку к своему сладкому местечку прислоняет, а потом орет о насилии. Кто, говоришь, тебя пытался изнасиловать, не такая? Может, все же те двое? Вряд ли бы ты с ними кончила.

Не такая хватает ртом воздух, сжимает кулачки. Думаю,

много чего хотела бы сказать, но не решается пока. Приобнимаю ее за плечи, от чего она дергается, но уже не так, как раньше.

– Ну чего ты? Договорились же, никто ничего не узнает, – чем она пахнет, не пойму. Шампунь какой-то не такой, как обычно у девчонок. – Какое насилие? Все полюбовно же.

– Да что ты тут перед ней пируэты развел? – кипятится Лекс и сплевывает на землю у ее ног. – Быстро в тачку села, не такая, пока мы не придумали что-то поинтересней на остаток вечера!

Окатывает его злым взглядом и пару минут стоит как вкопанная, поджав губы и раздувая ноздри. Наблюдаю. Вмажет, не вмажет не такая? Я б вмазал уже.

– Я с ним поеду, – пропискивает сдавленно и круто разворачивается на шпильках.

– Какая фифа, – ухмыляется Лекс. – Конечно, кто с барышней сосался, тот и катает.

Он рывком заскакивает за руль, хлопает дверцей и буквально срывается с места, используя преимущество пустой парковки.

– Ну... что, поехали? – чего-то мнусь я.

– Поехали, – кратко кивает она и смотрит на меня с недоверием. – Только я назад сяду. И высади меня не у входа в общагу, хорошо?

– А чего назад? Брезгуешь? – вырывается раньше, чем я думаю.

Сколько бы времени я ни провел с Лексом, так и не научился быть таким, как он. Легким.

– Нет, – выдает и смотрит на свои ладошки, испачканные подсыхающей спермой. – Просто вы обещали больше не трогать. Обещали, что отпустите. Пожалуйста, не надо больше ничего со мной делать, – она всхлипывает, некрасиво морщась, по красным щекам текут слезы.

Мне становится очень неловко. Чувствую себя реально последним насильником.

– Я же сказал, что просто отвезу домой, – смотрю в упор на нее, заставляю себя разглядывать потеки туши на ее лице. – Просто отвезу.

– Хорошо, – соглашается обреченно и подходит чуть ближе ко мне. – Но я все равно сяду назад.

Неприятное ощущение, которое благополучно дрыхло лет пять, неожиданно поднимает голову.

– Садись, куда хочешь, – открываю тачку брелоком и сажусь за руль.

Не такая забирается на заднее сиденье и буквально вжимается в противоположную от водительского сиденья дверцу – хочет быть подальше от меня. Газую и наблюдаю за ней в зеркало. Роемся в сумке, оттирается от наших следов салфетками, морщится не таясь. Строит из себя целку-фанатичку нецелованную. Можно подумать.

– А ты... из какого города? – зачем-то спрашиваю я.

– Из Пензы я, – отвечает, чуть застопорившись. – Есть

такой город, небольшой. А зачем тебе?

– Знаю я, что есть, – хмурюсь, чувствую себя пятнадцатилетним пацаном вдруг, которого еще не нашел Лекс. – Просто спросил.

Молчание. Остервенело трет ладони и пальцы, рассыпая по себе и сиденью бумажные катышки. Иногда она все же поднимает глаза, и мы встречаемся взглядами в зеркале заднего вида. Секунды, и она прячет глаза опять.

– А я отсюда, – опять не могу заткнуться я. – Только... ну не с центра, в общем. Меня, кстати, Рома зовут.

– Я так и поняла, что не с центра, – почти передразнивает, делая особый акцент на предлоге. – Как и я не с Москвы, Рома.

– Так заметно? – сколько не пытайся, не дотянешь.

– А тебе есть до этого дело? – фыркает она, пытаюсь подтянуть короткий подол ближе к костистым коленкам.

– Ну я же спрашиваю, значит есть.

Ее общага уже близко, но я помню о Лериной просьбе не подъезжать. Торможу недалеко от местного супермаркета.

– Я провожу тебя, – говорю, стараясь звучать непреклонно.

– Не надо меня провожать, – почти взвизгивает Лера и буквально выскакивает из машины, громко хлопает дверцей. – И да заметно! У таких, как ты, никогда нет манер. И дела до других тоже нет.

Поворачивается ко мне спиной и опять вытирает слезы со

щек.

Да блядь... Выскакиваю следом, злобно зыркаю на каких-то пацанов, трущихся в свете огней магазина, оббегаю машину спереди.

– То есть, у тебя манер больше? И о других ты думаешь?

Идет в сторону общаги, жмет плечами зябко, а я, как debil, иду в паре шагов от нее.

– Может, и больше, – мажет по мне взглядом. – Может, и думаю. Тебе откуда об этом знать? Можно подумать, вас вообще волнует, что у девушки в голове и за душой.

– А может, и волнует, – почти равняюсь с ней. – Ты-то откуда знаешь?

– Оно и видно, – выдает зло и замолкает. – В библиотеке увидела. И сегодня. Просто отстаньте от меня. Я же, и правда, ничего не сделала.

Дергаю ее за руку, разворачивая лицом к себе. Почти бьется носом о мою грудь, упирается в нее ладошками.

– А если я не потому, что ты что-то сделала? – смотрю сверху-вниз, разглядывая блики в темноте ее глаз.

– Зачем я вам? – блеет, в голосе ужас. – У вас же девчонки гораздо более красивые. Любая согласится с вами гулять. А у меня в Пензе парень остался. Я учиться приехала, правда. Ром, ну пожалуйста, оставьте меня в покое.

– Лер, один поцелуй и пойдешь думать о своем парне, идет? – не приближаюсь, просто удерживаю за талию.

– Так нечестно, – выдает так по-детски, поджатая нижняя

губа забавно дрожит. – Вы слово мне дали, что отпустите хотя бы сегодня, если я сделаю... – замолкает, судорожно всхлипывает.

– Ну пожалуйста, – уголком рта улыбаюсь я. – Всего один, Лер. Я же прошу. Не пристаю, видишь.

– Я не буду с вами спать, – ее бровки сдвигаются домиком. – Пообещай, что если поцелую, вы не станете ко мне приставать.

– Не будешь, конечно, – абсолютно безбожно лгу я. – Но поцелуй-то можно.

– Хорошо, – быстро выдает она, неуклюже кладет мне руки на плечи и тыкается в мои губы своими горячими и сухими. – Все?

– Ты че, Лер, – возмущаюсь я, сдерживая смех. – Меня так бабушка целует. Нормальный поцелуй, Лер.

Зависает, как перегретый пентиум и вновь касается моих губ своими. Неуверенно проводит кончиком языка по моей нижней губе и позволяет ей скользнуть в свой рот.

Перехватываю ее затылок и впиваюсь в ее рот, жадно вылизываю ее, скольжу языком по нёбу, всасываю, прикусываю ее язык, ее губы. Прижимаю к себе все крепче, сильнее вдавливаюсь в хрупкое тело.

Она не пытается отбиваться. То ли смирилась с моим напором, то ли сама этого хочет. Мне в рот срывается тихий стон, ее тонкие пальцы сминают ворот куртки. Второе. Определенно второе. Прононс ей мой не нравится, а отдаться го-

това тут же на капоте. Все же такая же, как и все.

Давлю большим пальце на ее подбородок, тяну за копну густых волос, заставляю себя остановиться, потому что она, похоже, уже и не сможет. Последний раз углубляю поцелуй и отстраняюсь, придерживаю ее за талию, потому что кажется, что она сейчас упадет.

– Спокойной ночи, Лера, – говорю я и удивляюсь, как не задыхаюсь, как от двадцати километрового полумарафона.

Смотрит на меня долгим взглядом, молча разворачивается на сто восемьдесят градусов и почти бежит к общаге.

Глава 6 (Лекс)

Чуть пригнувшись, без труда ухажу от удара Феллини – всю тренировку без толку молотит кулаками воздух. Если так будет в клетке, то разбитой в фарш мордой он не отделается.

– Что это вчера было, братан? – спрашиваю я, на всякий случай отскочив от него на пяток шагов. – Вроде хотели просто шугнуть, пугнуть и трахнуть, чтобы отпало желание стучать, а ты запал, что ли, на отличницу?

– А если и запал? – шмыгает носом, откидывает назад мокрые волосы. – Мне надо будет сегодня отъехать, без меня дальше, хорошо?

Накидываю на шею полотенце, пытаюсь загасить раздражение, которое разливается в груди противной желчью. Не люблю, когда что-то становится не в кайф.

– К ней, что ли, отъехать? – расплываюсь в своей дежурной улыбочке. – Трахнулись уже без меня? Не делают так, братан. Не по-пацански как-то.

Смотрит на меня немного разочарованно, что ли.

– К матери. Бабки у них закончились. А Олега, походу, опять прикроют.

– Ну ладно, – морщусь, зря наехал. – Долго еще будешь тянуть эту хевру? Я бы на твоём месте предпочел притвориться сиротой, забыть о них, нахер!

– Ну так притворись, – фыркает он. – И про место твое и мое не надо.

Черные глаза недобро сверкают, но Феллини тут же гасит свои порывы. Как всегда.

– Я обычно делаю вид, что приемный, – ухмыляюсь я, спешно переводя все в шутку. Хватаю глоток холодной воды из бутылки. – Ты ее трахнул?

Бросает взгляд через плечо и снова отворачивается.

– Нет, – вытирает лицо и уже идет в раздевалку. – Хочешь первый? Вперед.

– А что если хочу? – поддеваю его, чтобы уже рыкнул, а не держал всю эту херь в себе. – Это проблема, что ли?

– Я же сказал, нет, – разворачивается, в широком жесте расставляет руки. – Ты ж мне брат. Все мое – твое, все твое – наше.

– Я знал, что ты не станешь из-за обычной девки со мной рамсить, – выдаю с широкой улыбкой, полушуткой. – Поеду тогда, прокачу не такую, чтобы не расслаблялась.

– Я стану с тобой рамсить, если и дальше будешь нести хуйню и доебываться, – огрызается Ромка и выходит. Увеличивает расстояние. Для него это почти единственная возможность не слететь с петель, когда начинает накрывать.

– Ладно, – говорю уже себе, как идиот зависнув посреди ринга. – Надо бы развеяться и поиграть немного с отличницей.

Она меня забавляет. Такая ромашечная наивность. Так и

хочется научить плохому и наблюдать за реакцией.

Насвистываю какую-то попсовую херню, которая въелась в мозг без моего ведома, и иду в душевую. Принимаю максимально холодный душ, переодеваюсь и заскакиваю в любимую спортивную тачку, которая со мной почти одно целое. Любимая моя девочка – не предаст и всегда в настроении порычать подо мной.

Никогда не любил библиотеки, но теперь начинает думать, что это неплохая локация для порнушки.

Иду по проходам между стеллажей тихо, намереваясь сделать не такой сюрприз. Сегодня она меня и подбешивает, и заводит. Интересно.

Опять книжки свои перебирает за обшарпанным столом. Вся такая не такая. Правильная отличница. У нее бы, может, и получилось меня наколоть, если бы Лерочка так ловко не надрачивала нам на темной парковке каких-то десять часов назад.

– Привет, не такая, – упираюсь ладонями в столешницу, нависая над Лерчиком. – Скучала по мне? А я ведь обиделся, что ты вчера дала мне отставку, – изображаю плаксивую гримасу.

– Рома же обещал, – ее глаза едва не выпадают из орбит, когда она меня видит. Задыхается от своего псевдоприличного возмущения. – Вы же не будете меня больше... преследовать.

– Ах уже Рома, – приближаюсь к ней, почти сталкиваюсь с

отличницей носами. – Ах обещал... Ну я не Рома, так что...
Поехали покатаемся!

– Нет, – она перекладывает книжонки дрожащими пальцами. – Я уже объясняла. У меня есть парень. Я не могу кататься... со всеми. Это совершенно не то... что мне нужно.

Внутри себя я прыгаю от восторга. Ну какая же она, сука, лань. Раритет какой-то, но будет весело.

– А твой парень, Лера, знает, что ты вчера вдохновенно дровича сразу двум малознакомым чувакам? – кладу палец ей на подбородок. Дергается. – Сейчас вся библиотека узнает. А потом – универ. И он, конечно, тоже. Так что, лучше поехать со мной прямо сейчас. Бегом давай, не такая, нет у меня времени с тобой тут в недотрогу играть.

– Нет времени, так оставь меня в покое, – шипит она, пытаясь еще бравировать, но я уже вижу, как заволакиваются слезами ее глаза, и как подрагивают пухлые губки.

– Какой покой? – продолжаю развлекаться я. – Для покоя ты еще нихера не сделала. Считаю до пяти и начинаю портить... Нет! Уничтожить твою репутацию. Один...

– Какие же вы...

– Так какие мы, не такая? – я хватаю ее за волосы на затылке, чтобы не расслаблялась. – Сказала “А”, говори “Б”. Ну давай. Если проникнусь к тебе уважением, оставлю в покое. Но это не точно.

– Мерзавцы, – выдыхает, дрожащим голосом. – Отпусти, мне больно.

– Ууу, – ослабляю хватку и просто укладываю ладонь ей на затылок. Какие мягкие волосы, люблю блондиночек. – Какое тут уважение? Не удивила, не поразила, прости! Пошли уже, нечего титьки мять. А забыл... – картинно бью себя ладонью по лбу. – Есть еще варик. Могу разложить тебя прямо на этом столе. Что думаешь?

– Зачем ты так? – все же не выдерживает и всхлипывает.

– Не люблю, когда ломаются, – бросаю я, откатившись от нее. – Хочешь хорошего отношения, води себя соответствующе. Я просто приглашаю тебя покататься.

– И я должна просто с тобой поехать? – мнетса, закусывает щеки изнутри. – Пообещай, что не будешь...

– Не буду что? – вздыхаю я, понимая, что уже раздражаюсь. – Ты еще список мне напиши, что нельзя с тобой делать.

– Ничего нельзя со мной делать, – быстро выпаливает она. – Я поеду, если ты пообещаешь, что не будешь... приставать.

– Не могу этого обещать, – ухмыляюсь. – Хорош уже ломаться. Я бы на твоём месте бежал из этого места, пока щелка мхом не заросла. Да и вчера ты громко так стонала, когда я, – делаю пальцами кавычки, – приставал. Поехали уже.

– Ты не на моем месте, – тихо говорит она, но кардиганчик со спинки стула берет. – Просто давай покатаемся, и я вернусь домой. Не надо каждый день доводить меня до истерики.

– А до оргазма? – прыскаю со смеху, глядя на ее сдвину-

тые у переносицы бровки с мягкими волосками. – Разберемся. Ты первая телка, которую я пушу в свою любимую тачку. Гордись, не такая.

– Буду... гордиться, – она обходит стойку, становится рядом и опускает глазки в пол.

– Ну что ты как неродная? – прижимаю ее к себе, утыкаюсь носом в шею и шепчу на ушко. – Ты не забывай, кто вчера заставил тебя кончить. Если будешь не такой колючкой, будет еще приятнее. – резко отпускаю, толкаю вперед и звонко шлепаю по заднице. – Пошла.

– Убери руки... – совсем не угрожающе выдает она. – Я не одна из этих, кому это приятно. И давай забудем про вчера. Такого больше не повторится.

– Уверна? – нагоняю, беру ее под ручку и веду между стеллажами. – И нет, не забудем. Еще немного, и сама будешь стонать мое имя и просить еще.

– Господи, какие мерзости ты говоришь, – шепчет себе под нос.

– Завелась уже, да? – спрашиваю уже на крыльце. – Держу пари, что мокрая от моих мерзостей.

– Просто давай уже поедем, – перебирает пальцами край кардигана.

– В следующий раз надень что-то другое, не эту бабкинскую кофту, ок? – подмигиваю ей и открываю дверцу, делаю приглашающий жест. – Фигурка у тебя огонь, а тряпки – отстой, все портят. Хочешь, я тебе платьишко куплю? Или ко-

суху крутую?

– У меня нормальная одежда, – цедит она. – И я не собираюсь одеваться, как эти все...

– Это что? – она слишком сильно хлопает дверцей, и меня передергивает. Зараза. – Я слышу нотки зависти в твоём голосе? Что, Лера, хочется быть, как они, а что-то не дает?

– Не хочется, – складывает руки на груди и отворачивается к окну. – А не дают нормы приличия.

– Да нахер их, нормы эти, – смотрю на забитую лань, и мне становится ее даже немного жаль. – Руки на руле, прикури мне сигарету.

– Я не курю, – холодно говорит Лера.

– Я не предлагаю пока, – кошусь на нее. – Или я сам, но... Тогда мне придется убрать руки с руля, а скорость приличная, – вдавливаю педаль газа в пол. – Вмажемся в отбойник, и все из-за твоего дебильного упрямства.

– Да что ты за человек такой?! – взвизгивает она, вжимаясь в сиденье. – Я боюсь, сбавь скорость, пожалуйста!

– Сбавлю, – соглашаюсь с безумной улыбкой. Пульс выше ста пятидесяти, и мне кайфово, – но только после того, как ты подкуришь сигу и сделаешь пару затяжек. Иначе... Ты бы только знала, не такая, как можно разогнать эту крошку. И лучше пусть мои руки будут на руле.

– Да боже! – чуть не плачет. Или плачет. – Где твои сигареты? Зачем тебе все это, я не понимаю!

– Для веселья! – ору, перекрикивая шум ветра в ушах. Ад-

реналин забирает, и она кажется мне вполне себе прикольной. – В кармане джинсов. Сама достань. А то руки на руле... ну ты помнишь, – плавным движением вписываю послушную крошку в поворот.

Она отрывается от сиденья и вновь вжимается в него. Бойтся. Во второй раз у нее выходит дотянуться до моего кармана.

– Что... что я должна делать? – трясущимися руками достает пачку. – Я не умею, блин, курить.

– Блин, Лера, – передразниваю ее, – всему тебя учить... и как с членом обращаться, и с сигаретами. Прикуривай и дым в себя. В себя, да... И давай побыстрее, а то прямой участок дороги заканчивается, – шугаю ее, зная, что мы почти уже выехали из города и дальше можно вообще не париться.

– Да что ж такое-то, – она щелкает зажигалкой, и у нее все не выходит высечь огонек. – Сбрось скорость, я уже прикуриваю.

Наконец зажигалка чиркает огнем, подпаливает кончик сигареты. Отличница втягивает в себя дым и сразу же закашливается.

– Какая гадость! – кашляет она.

– Еще давай! – требую я, вновь топя педаль газа в пол. – Люблю красиво курящих женщин. Покажи, как умеешь, и я остановлюсь. Обещаю. Слово пацана даю!

– Да блин...

Лера снова затягивается, но в этот раз не так глубоко, по-

этому не кашляет, а просто чуть давится дымом.

– Доволен?

– Ага, – чуть сбавляю обороты. – Давай сюда сигарету.

Она приближает к моему рту сигарету, и я обхватываю фильтр губами. Он весь пропитан ее слюной и вкусом. Затягиваюсь до легкого головокружения и сворачиваю с пустой дороги на обочину.

– Выходи, – командую я, вылезая из тачки.

Глава 7 (Лера)

Выбираюсь из машины. Меня тошнит. Укачало. А еще от дыма и его мерзкого поведения. Встаю между наглым мажором и капотом, мажу взглядом по сторонам – бежать особо некуда.

– Лера, – прочувственно произносит мое имя, – спасибо за сигарету. Вкусная.

Без понятия, к чему он сказал последнее слово. Просто стоит напротив меня и курит. Залипаю на его почти синие глаза, которые улыбаются, что ли (?). Хочу оторвать взгляд, но он магнитится к красивым губам, которые улыбаются одними уголками.

– Лекс, – заставляю себя выдать я, – мы прокатились. Отвези меня домой.

Перебираю пальцами край кардигана. Уже не знаю, чего хочу. Весь мой мир рушится рядом с ними, словно я всю жизнь жила в мыльном пузыре, а теперь его лопнули, и вся эта жизнь навалилась на меня тяжестью десяти планет.

– Отвезу, – говорит серьезно, щелчком пальцев выкидывает сигарету и носком ботинка втирает окурок в землю. – Ты же понимаешь, что я прикалываюсь? – рывком сокращает расстояние между нами, и я вжимаюсь икрами в капот. – Я никому ничего не расскажу. Знаешь, почему?

– П-почему? – дрожащими губами проговариваю я, а сама

тону в голубых омутах.

– Потому что это личное, понимаешь? – упирается ладонями в капот по обе стороны от моего тела, нависает надо мной. Так близко, что я чувствую, как он горячий. – Это между мной и тобой. Я помню, как ты хваталась за мою руку, прижимала ее к себе. То была искра. Что-то особенное, да, Лера?

– Я не знаю, – блею я, почти теряя опору под ногами, под собой, под своими принципами и устоями.

Никогда с Алешей, моим парнем, не было так. Никогда я не чувствовала такого в своем теле, такой пьянящей пустоты в голове, такого... желания не останавливаться.

– Дадим нам еще шанс, малышка? – его губы касаются моей скулы, язык скользит по коже, прорисовывая угол челюсти. – Я никогда не причиню тебе вреда. Разве можно обижать такую сладкую девочку? Такую нежную...

Я, кажется, падаю. Цепляюсь пальцами за его плечо, сжимаю тонкую кожу куртки, стараясь хоть как-то отрезвить себя. Вспоминаю поцелуй с Ромой и со стыдом понимаю, что хочу почувствовать и вкус Лекса. От одной этой мысли кровь ударяет вниз живота, поднимается выше, распалая меня, будто бы на сковороде. Жар поднимается по шее к щекам, и я шумно выдыхаю.

Его руки на моем теле. Большие ладони обрисовывают талию и спускаются ниже: ложатся на попку и чуть сжимают.

– Хорошая малышка, – шепчет мне в губы и вылизывает

их уголки, а потом – центр. – Моя сладкая...

Кончик языка раздвигает мои губы, давит на зубы, и я сдаюсь. Открываю рот, и позволяю ему ворваться туда. Лекс посасывает мою нижнюю губу, вталкивает язык так глубоко, что я дышу через раз, пью его терпкий, горьковатый аромат.

Кладет ладонь мне на затылок, дергает за волосы. Я выгибаюсь, запрокидываю голову, и этот поцелуй становится развратно-глубоким. Таким, что голова кружится, и я почти забываю, как дышать. Висну у него на шее, судорожно жму в пальцах ворот футболки.

Моя кожа горит даже сквозь одежду под пальцами Лекса. Мысли о том, что все, что со мной происходит в последнее время, – неправильно гаснут, как уставшие после длинной ночи светлячки. Я бесстыдно выгибаю спину, вжимаюсь в него еще сильнее, чувствую животом его возбуждение, и от этого почти улетаю.

– Прости, малышка, что немного жестил сегодня, – шепчет он, пытаясь отдышаться от слишком затяжного поцелуя. – Просто у меня от тебя крышу сносит. Не знаю, что со мной... Без понятия, почему с тобой рядом теряю контроль.

– Я не... Ничего, – опускаю глаза, пытаюсь взять себя в руки и не смотреть так на бьющуюся на его шее жилку.

– Ты не что, малышка? – улыбается и хватается меня за руку, проводит моими пальцами по своим влажным губам. – Ты хоть знаешь, какая ты красивая? Чувственная...

– Я не знаю, что тебе сказать, – честно признаюсь я.

А что, действительно, я могу ему ответить? Что со мной никогда такого не было? Что мне никогда не уделяли столько внимания, как эти двое за последние пару дней? Что при всей неправильности ситуации, я наслаждаюсь собой в этих эмоциях? Я никогда не испытывала ничего и близко похожего на то, что испытываю с ним. С ними.

– Тогда я скажу, ок? – он обхватывает губами мой палец и медленно вытягивает его в рот на все фаланги. Сосет его и тихо постанывает, отчего мои половые губки тяжелеют до боли. Медленно выпускает его изо рта. Чмокает меня в губы. – Он тебя не достоин, понимаешь?

– Кто? – не сразу понимаю я, замороженно наблюдая за его губами.

– Твой этот парень, – поясняет и закусывает мочку моего уха. До легкой боли и мурашек по всему телу. – Я бы тебя не отпустил от себя. Помчался бы следом, оборонял от таких, как мы.

– Он... он придет, – я закрываю глаза, запрокидываю голову, подставляя ему шею для горячих поцелуев и всего того, чего у меня еще не было. – В следующем месяце. Не может пока. Работа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.